

Совершенствование правового регулирования косвенной судебной юрисдикции в Евразийском экономическом союзе

Шеповалова О. А.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: lesya.a.p@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5857-0116

РЕФЕРАТ

Свободное трансграничное движение судебных решений является необходимым условием успешной интеграции. Одним из основных препятствий, с которыми сталкиваются государства на пути создания правового регулирования в данной сфере, является проблема приемлемости иностранной судебной юрисдикции или, иными словами, косвенной судебной юрисдикции. В статье рассматриваются варианты решения данной проблемы.

Цель и задачи. Предложить варианты совершенствования правового регулирования косвенной судебной юрисдикции в Евразийском экономическом союзе.

Методы. В настоящей работе использованы как общенаучные методы познания: анализ и синтез, так и частнонаучные: формально-логический, формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового прогнозирования.

Результаты. Совершенствование правового регулирования косвенной судебной юрисдикции в Евразийском экономическом союзе возможно посредством заключения между государствами — членами Евразийского экономического союза международного договора, устанавливающего унифицированные критерии прямой судебной юрисдикции и обуславливающего приемлемость юрисдикции иностранного суда соблюдением этих критериев. В том случае, если компетенция иностранного суда не основана на юрисдикционных критериях, содержащихся в международном договоре, предлагается предусмотреть возможность признания иностранного судебного решения при соблюдении двух условий: первое — наличие тесной связи между судом и спором либо одобрение юрисдикции ответчиком; второе — соблюдение правил об исключительной судебной юрисдикции, установленных в национальном законодательстве государств — участников Евразийского экономического союза.

Автором предлагается также вариант совершенствования правового регулирования косвенной судебной юрисдикции на национальном уровне как в РФ, так и в других государствах — участниках Евразийского экономического союза. В частности, рассматривается вариант введения в национальное законодательство положений о косвенной судебной юрисдикции, обуславливающих приемлемость компетенции иностранного суда соблюдением критерия тесной связи между спором и судом, постановившим судебный акт, либо одобрением его юрисдикции ответчиком, и непротиворечием критериям исключительной судебной юрисдикции.

Выводы. Евразийский экономический союз нуждается в создании эффективного механизма признания иностранных судебных решений, что может быть обеспечено, прежде всего, посредством совершенствования правового регулирования косвенной судебной юрисдикции.

Ключевые слова: признание иностранных судебных решений, евразийская интеграция, Конвенция о судебных решениях 2019 г., Киевское соглашение 1992 г., Кишиневская конвенция 2002 г.

Для цитирования: Шеповалова О. А. Совершенствование правового регулирования косвенной судебной юрисдикции в Евразийском экономическом союзе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 1. С. 81–89.
<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-01-81-89>. EDN: BVBDHW

Improving the Legal Regulation of Indirect Judicial Jurisdiction in the Eurasian Economic Union

Olesia A. Shepovalova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

e-mail: lesya.a.p@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5857-0116

ABSTRACT

Free cross-border circulation of court decisions is a necessary condition for successful integration. One of the main obstacles that states face in creating legal regulation in this area is the problem of the admissibility of foreign judicial jurisdiction, or, in other words, indirect judicial jurisdiction. The article discusses options for solving this problem.

Aim and tasks. To propose options for improving the legal regulation of indirect judicial jurisdiction in the Eurasian Economic Union.

Methods. This work uses both general scientific methods of cognition: analysis and synthesis, and specific scientific ones: formal logical, formal legal, comparative legal, and the method of legal forecasting.

Results. Improving the legal regulation of indirect judicial jurisdiction in the Eurasian Economic Union is possible through the conclusion between the member states of the Eurasian Economic Union of an international treaty establishing unified criteria for direct judicial jurisdiction and conditioning the acceptability of the jurisdiction of a foreign court on compliance with these criteria. In the event that the competence of a foreign court is not based on the jurisdictional criteria contained in an international treaty, it is proposed to provide for the possibility of recognizing a foreign court decision if two conditions are met: first, there is a close connection between the court and the dispute or approval of the jurisdiction by the defendant; the second is compliance with the rules on exclusive judicial jurisdiction established in the national legislation of the member states of the Eurasian Economic Union.

The author also proposes an option for improving the legal regulation of indirect judicial jurisdiction at the national level, both in the Russian Federation and in other member states of the Eurasian Economic Union. In particular, the option of introducing provisions on indirect judicial jurisdiction into national legislation is being considered, which would condition the acceptability of the competence of a foreign court by observing the criterion of a close connection between the dispute and the court that issued the judicial act, or the approval of its jurisdiction by the defendant, and non-contradiction with the criteria of exclusive judicial jurisdiction.

Conclusions. The Eurasian Economic Union needs to create an effective mechanism for the recognition of foreign court decisions, which can be achieved, first of all, by improving the legal regulation of indirect judicial jurisdiction.

Keywords: recognition of foreign judgments, Eurasian integration, Judgments Convention 2019, Kiev Agreement 1992, Chisinau Convention 2002

For citing: Shepovalova O. A. Improving the Legal Regulation of Indirect Judicial Jurisdiction in the Eurasian Economic Union // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 1. P. 81–89. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-01-81-89>. EDN: BVBDHW

Введение

Создание любого экономического интеграционного объединения немислимо без формирования внутри него скоординированной правовой системы, обеспечивающей функционирование этого объединения в качестве единого юридико-экономического пространства. Однако установление согласованной правовой базы предполагает не только выработку унифицированных материально-правовых регуляторов, но и установление режима свободного трансграничного движения судебных решений, принятых в государствах — членах этого объединения. Как отметила С. А. Акимбекова, ускорение интеграционных процессов вряд ли достижимо без тесного сотрудничества государств в сфере юстиции, одним из важнейших элементов которого является признание иностранных судебных актов¹.

При создании Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС)² у государств-членов не было необходимости разрабатывать специальное регулирование относительно трансграничного движения судебных решений, поскольку все они уже являлись участниками двух международных договоров, заключенных в рамках Содружества Независимых Государств (далее — СНГ), предусматривающих взаимное признание и приведение в исполнение иностранных судебных решений³. Речь идет о Соглашении о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, от 20 марта 1992 г. (далее — Киевское соглашение 1992 г.)⁴ и Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. (далее — Минская конвенция 1993 г.). В настоящее время для всех государств — членов ЕАЭС вместо Минской конвенции 1993 г. действует Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 г. (далее — Кишиневская конвенция 2002 г.)⁵.

Свободное трансграничное движение судебных решений государства пытаются установить не только на двустороннем и интеграционном, но и на универсальном уровне. Так, Гаагская конференция по международному частному праву (далее — ГКМЧП) в течение более 20 лет занималась разработкой проекта многостороннего международного договора, регулирующего признание иностранных судебных решений. Результат данной работы — Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским и торговым делам от 2 июля 2019 г. (далее — Конвенция о судебных решениях 2019 г.)⁶. Конвенция о судебных решениях 2019 г. открыта для присоединения любого государства, и предполагается, что со временем она приобретет статус универсального регулятора в обозначенной сфере.

Появление универсальной Конвенции с неизбежностью поставит вопрос о соотношении предлагаемого ГКМЧП правового регулирования с действующим на территории ЕАЭС, и в первую очередь в части косвенной судебной юрисдикции. Так, подчеркивая фундаментальность роли косвенных юрисдикционных критериев в Конвенции о судебных решениях 2019 г., американский профессор Р. А. Бранд предположил, что именно они будут иметь центральное значение для любого государства при решении вопроса о том, ратифицировать ли данную Конвенцию [9, с. 12].

¹ Акимбекова С. А. Признание и приведение в исполнение решений иностранных судов в Республике Казахстан [Электронный ресурс] // Zakon.kz. 14.06.2013. URL: <http://www.zakon.kz/4562001-priznanie-i-privedenie-v-ispolnenie.html> (дата обращения: 11.11.2023).

² В настоящее время членами Евразийского экономического союза являются следующие государства: Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eaeunion.org/#about> (дата обращения: 01.11.2023).

³ Далее — признание иностранных судебных решений.

⁴ Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, подписанное в г. Киеве 20 марта 1992 г., вступило, Армении — с 24.05.1994.

⁵ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанная в г. Кишиневе 7 октября 2002 г. [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант.РУ». URL: <https://base.garant.ru/1156956/> (дата обращения: 18.01.2024). Конвенция применяется с 28 июня 2023 г. в отношениях между Россией, Арменией, Белоруссией, Казахстаном и Киргизией вместо Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанной в г. Минске 22 января 1993 г., и Протокола к ней от 28 марта 1997 г. См.: О вступлении в силу Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанной в г. Кишиневе 7 октября 2002 года [Электронный ресурс] // МИД РФ. 30.05.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1873295/ (дата обращения: 25.09.2023).

⁶ Convention of 2 July 2019 on the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments in Civil or Commercial Matters [Электронный ресурс]. URL: <https://assets.hcch.net/docs/806e290e-bbd8-413d-b15e-8e3e1bf1496d.pdf> (дата обращения: 25.09.2023). Конвенция о судебных решениях 2019 г. вступила в силу 1 сентября 2023 г. и действует для стран Европейского союза и Украины [Электронный ресурс] // Hague Conference on Private International Law (HCCH). URL: <https://hcch.net/en/instruments/conventions/status-table/?cid=137> (дата обращения: 18.01.2024).

Действительно, проблема приемлемости иностранной юрисдикции является одной из основных, с которыми сталкиваются государства при признании иностранных судебных решений. Под «приемлемостью» мы понимаем согласие государства с юрисдикцией, реализованной иностранным судом при вынесении судебного решения, о признании которого ходатайствует одна из сторон спора.

При разработке Конвенции о судебных решениях 2019 г. ГКМЧП пришлось формировать особые правила, обеспечивающие движение судебных решений, которые представляют несомненный интерес. Во-первых, под углом зрения тех правовых решений, которые в ней реализованы. Как отмечает профессор С. В. Бахин, международно-договорная унификация во многих случаях способствует закреплению в правовых системах наиболее совершенных и современных правовых конструкций, что является одним из ее несомненных достоинств [1, с. 139]. Во-вторых, с точки зрения ратификации ее широким кругом государств, в т. ч. возможных перспектив присоединения к ней государств — членов ЕАЭС, и учитывая тот факт, что эти государства уже являются участниками двух вышеупомянутых договоров, предусматривающих признание иностранных судебных решений.

Правовое регулирование косвенной судебной юрисдикции в Киевском соглашении 1992 г. и Кишиневской конвенции 2002 г.

Способы определения приемлемости иностранной юрисдикции, т. е. косвенной судебной юрисдикции, в упомянутых Киевском соглашении 1992 г. и Кишиневской конвенции 2002 г. во многом схожи, однако назвать их одинаковыми вряд ли возможно.

С одной стороны, в обоих международных договорах реализован так называемый «брюссельский подход»¹: как Киевское соглашение 1992 г., так и Кишиневская конвенция 2002 г. разграничивают судебную юрисдикцию и обуславливают признание иностранных судебных решений соблюдением установленных в них юрисдикционных критериев. Исходя из этого косвенная судебная юрисдикция определяется посредством обращения к нормам о прямой судебной юрисдикции. Нормы, разграничивающие судебную юрисдикцию между государствами, мы именуем также нормами о прямой судебной юрисдикции, отделяя их тем самым от норм о косвенной судебной юрисдикции.

Так, разграничение компетенции между судами договаривающихся государств закреплено в ст. 4 Киевского соглашения 1992 г., содержащей прямые юрисдикционные критерии, при этом п. «в» ст. 9 данного международного договора предусматривает отказ в признании иностранного судебного решения в случае, если спор разрешен «некомпетентным судом».

П. «д» ст. 59 Кишиневской конвенции 2002 г. также предусматривает отказ в признании иностранного судебного решения в случае, если, согласно положениям данной Конвенции, дело относится к исключительной компетенции учреждения юстиции государства, на территории которого решение суда должно быть исполнено. Исключительная компетенция государств определена в Кишиневской конвенции 2002 г. посредством закрепления прямых юрисдикционных критериев. В данном международном договоре термин «исключительная компетенция» имеет иное значение, нежели то, которое обычно придается данному понятию в российском законодательстве. В Кишиневской конвенции 2002 г. названный термин применяется по отношению к компетенции судов по рассмотрению трансграничных частных правовых споров, установленной ч. I–V раздела II, что следует из положения абз. 2 ч. 1 ст. 23 и отсутствия норм о разграничении компетенции между судами вне указанных частей раздела II, иными словами, ко всем положениям данного договора о разграничении компетенции.

Таким образом, унифицировав правила о прямой судебной юрисдикции, государства отчасти решили проблему косвенной судебной юрисдикции, поскольку юрисдикция иностранного государства будет признана приемлемой всегда, когда она основана на прямых юрисдикционных критериях.

¹ Словосочетание «брюссельский подход» используется в отношении заключенной 27 сентября 1968 г. между государствами — членами ЕЭС Брюссельской конвенции по вопросам юрисдикции и принудительного исполнения судебных решений в отношении гражданских и коммерческих споров. В ней объединены вопросы разграничения юрисдикции и вопросы признания иностранных судебных решений, в связи с чем договор получил название «двойная конвенция». См.: Brussels Convention on jurisdiction and the enforcement of judgments in civil and commercial matters. Consolidated version [Электронный ресурс] // Official Journal. L 299, 31.12.1972. P. 32–42. URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:41968A0927\(01\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:41968A0927(01)) (дата обращения: 26.09.2023).

С другой стороны, вопрос о косвенной судебной юрисдикции в ситуации, когда прямыми юрисдикционными критериями, поименованными в договоре, не разрешается вопрос о компетенции иностранного суда, урегулирован в данных международных договорах по-разному.

Так, из ст. 59 Кишиневской конвенции 2002 г. следует, что косвенная судебная юрисдикция подлежит определению посредством применения как оснований исключительной компетенции, поименованных в данном договоре, так и оснований исключительной компетенции, содержащихся в национальном законодательстве. Такой подход использован во многих двухсторонних соглашениях, регулирующих признание иностранных судебных решений, заключенных РФ¹.

Применительно к Киевскому соглашению 1992 г. ответ на вопрос о том, применимы ли положения национального законодательства об исключительной компетенции при определении приемлемости юрисдикции иностранного суда, не так однозначен. Использованная при разработке данного международного договора юридическая техника была поставлена под сомнение специалистами [2, с. 119], т. к. породила неясность в вопросе о содержании понятия «компетентный суд», вследствие чего невозможно однозначно определить, следует ли полагать неприемлемой компетенцию иностранного суда, если она противоречит нормам об исключительной подсудности, содержащимся в национальном праве². Неясность впоследствии была устранена судебной практикой, содержащей положительный ответ на данный вопрос³.

Таким образом, в настоящее время правовое регулирование косвенной судебной юрисдикции на территории ЕАЭС осуществляется следующим образом: компетенция иностранного суда признается приемлемой всегда, когда она основана на прямых юрисдикционных критериях, содержащихся в международном договоре, а в непредусмотренных договором случаях — когда не противоречит основаниям исключительной судебной юрисдикции, установленным в национальном законодательстве.

Модель правовой регламентации, в которой косвенная судебная юрисдикция обусловлена унифицированными критериями прямой судебной юрисдикции, обеспечивает максимально свободное движение иностранных судебных решений. Однако реализовать данную модель затруднительно в связи с различиями в подходах государств к вопросу разграничения юрисдикции.

Поэтому такой способ регулирования, хотя и является максимально эффективным, однако реально возможен лишь в рамках узкой группы государств, национальное право которых в данном вопросе является схожим. Перспективным представляется его реализация в интеграционных образованиях, в т. ч. ЕАЭС. На универсальном уровне на современном этапе развития возможно применение иного способа регулирования, который позволит государствам продолжать разрешать трансграничные споры на основаниях, установленных в национальном праве, однако свяжет государства косвенными

¹ Например: ст. 56 Договора между Российской Федерацией и Латвийской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 3 февраля 1993 г.; ст. 56 Договора между Российской Федерацией и Литовской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 21 июля 1992 г.; ст. 56 Договора между Российской Федерацией и Республикой Молдова о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 25 февраля 1993 г.; ст. 35 Договора между Российской Федерацией и Монголией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам от 20 апреля 1999 г. с Протоколом от 12 сентября 2002 г.; ст. 53 Договора между Российской Федерацией и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам от 16 сентября 1996 г.; ст. 50 Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Куба о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам от 28 ноября 1984 г.

² По нашему мнению, ст. 9 Киевского соглашения 1992 г. предполагает отказ в признании иностранного судебного решения в случаях, когда спор разрешен с нарушением положений о компетенции, содержащихся исключительно в данном договоре, что следует из буквального прочтения п. «в» ст. 9, в котором имеется отсылка к положениям соглашения: «в приведении в исполнение решения может быть отказано... только если... Сторона представит... доказательства того, что спор *в соответствии с настоящим Соглашением* разрешен некомпетентным судом» (курсив наш. — О. Ш.). Из определения понятия «компетентный суд», данного в ст. 3 Киевского соглашения 1992 г., следует, что компетентные суды — это суды, арбитражные (хозяйственные) суды, третейские суды и другие органы, к компетенции которых относится разрешение дел, указанных в ст. 1 названного Соглашения, отнесение к компетенции судов данных дел содержится в ст. 4 Соглашения, в которой нет каких-либо отсылок к национальному праву. Данная позиция косвенно подтверждается и Консультативным заключением № 01-1/3-10 Экономического Суда СНГ «О толковании статьи 9 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, от 20 марта 1992 года», указавшим на отсутствие оснований отказа в признании иностранного судебного решения по причине противоречия его исполнения публичному порядку запрашиваемого государства. Такое основание отказа в признании иностранного судебного решения как нарушение норм национального законодательства об исключительной компетенции также не предусмотрено Киевским соглашением 1992 г.

³ Например, Постановление ФАС Дальневосточного округа от 14 февраля 2006 г. по делу № Ф03-А59/05-1/4118; Постановление ФАС Северо-Западного округа от 29 октября 2008 г. по делу № А56-8186/2008; Определение Верховного Суда РФ от 18.04.2023 № 65-ПЭК23 по делу № А19-14701/2021.

юрисдикционными критериями. Описываемая модель реализована в Конвенции о судебных решениях 2019 г.

Правовое регулирование косвенной судебной юрисдикции в Конвенции о судебных решениях 2019 г.

В отличие от правового регулирования, содержащегося в Киевском соглашении 1992 г. и Кишиневской конвенции 2002 г., в Конвенции о судебных решениях 2019 г. косвенная судебная юрисдикция определяется посредством обращения не к прямым юрисдикционным критериям, а к косвенным, что означает, с одной стороны, сохранение за государствами права по своему усмотрению определять судебную юрисдикцию, а с другой — закрепляет некий минимальный стандарт, соблюдение которого гарантирует признание иностранного судебного решения. Необходимо учитывать, что использование данного способа регулирования косвенной судебной юрисдикции в международном договоре создает ситуацию диспаритета во взаимном признании иностранных судебных решений.

В частности, сравнительный анализ прямых юрисдикционных критериев, определяющих судебную юрисдикцию государства по рассмотрению трансграничных частноправовых споров, содержащихся в национальном законодательстве РФ, и косвенных юрисдикционных критериев в Конвенции о судебных решениях 2019 г. позволяет прийти к выводу о том, что первые уже последних¹. А следовательно, присоединение к Конвенции о судебных решениях 2019 г. создаст для РФ обязанность признавать иностранные судебные решения государств, использующих более широкие основания собственной юрисдикции, при том что в аналогичной ситуации суды РФ не будут иметь компетенцию по рассмотрению дела, т. к. ее надлежит определять на основании более узких оснований юрисдикции, установленных в национальном законодательстве [5, с. 76].

Следует также учитывать и то, что в отличие от международно-правовой регламентации движения судебных актов в рамках СНГ (и, соответственно, ЕАЭС) Конвенция о судебных решениях 2019 г. не допускает возможности отказа в признании иностранного судебного решения в случае нарушения положений об исключительной юрисдикции, закрепленных в национальном законодательстве государств-участников, если при этом прямые юрисдикционные критерии соблюдены.

Правовое регулирование косвенной судебной юрисдикции в национальном законодательстве государств, входящих в ЕАЭС

Признание иностранных судебных решений регулируется также национальным процессуальным законодательством государств, на территории которых подлежит признанию судебный акт. При этом положения национального законодательства, как и положения международных договоров, в которых участвует соответствующее государство, как правило, содержат правовое регулирование одних и тех же вопросов, в том числе вопросов косвенной судебной юрисдикции. В частности, в Республике Казахстан, отмечают специалисты, нормы и положения международных документов о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов «инкорпорированы в гражданское процессуальное законодательство и суды рассматривают дела на основе норм и положений гражданского процессуального законодательства Республики Казахстан» [8, с. 4].

В национальном законодательстве всех государств, входящих в ЕАЭС, реализована модель косвенной судебной юрисдикции, согласно которой юрисдикция иностранного суда признается приемлемой всегда, когда не противоречит исключительной судебной юрисдикции государства, в котором запрашивается

¹ Например, п. 1 (i) Конвенции о судебных решениях 2019 г. предусматривает следующее основание косвенной судебной юрисдикции: судебное решение вынесено против ответчика в отношении договорного обязательства, обеспеченного вещным правом в отношении недвижимого имущества, находящегося в государстве происхождения, если договорное требование было предъявлено тому же ответчику вместе с требованием, касающимся такого вещного права. Вместе с тем ни ст. 247, ни ст. 248 АПК РФ к компетенции арбитражных судов РФ такие споры не относит, что подтверждается судебной практикой (см. Постановление Президиума ВАС РФ от 3 февраля 2009 г. № 10680/08 по делу № А19-2579/08-31-10 [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант.РУ». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1690269/> (дата обращения: 18.01.2024)).

признание иностранного судебного решения¹. Например, в Республике Беларусь контроль иностранного судебного решения, касающийся его процессуальной стороны, включает проверку того, не нарушена ли исключительная компетенция суда Республики Беларусь; данное обстоятельство является условием признания иностранного судебного решения [3, с. 74].

Вместе с тем надо иметь в виду, что не всегда критериями исключительной судебной юрисдикции могут быть охвачены все возникающие на практике ситуации. Поэтому представляется целесообразным введение в национальное законодательство гибкого косвенного юрисдикционного критерия — тесной связи спора и суда, позволяющего достичь цели регулирования косвенной судебной юрисдикции, — обеспечения баланса между реализацией общепризнанного принципа права на судебную защиту и принципа защиты отечественного правопорядка.

Как следует из п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающих из отношений, осложненных иностранным элементом»², принцип тесной связи спорного правоотношения с территорией РФ лежит в основе правил определения компетенции арбитражных судов РФ. Данный критерий, как указывает Л. В. Терентьева, позволяет учесть субъективные факторы (например, предвидение ответчиком возможности рассмотрения дела в государстве суда), объективные факторы (территориальная связь элементов правоотношения с государством суда) и правовые (место нахождения доказательств; рассмотрение дел, имеющих социальную направленность) [7, с. 70]. Такой подход способствует ограничению условий, при которых допускается отказ в осуществлении правосудия, в особенности если такой отказ мотивируется ссылкой на подсудность дела иностранному суду [6, с. 202].

Введение гибкого критерия тесной связи отвечает современным подходам к определению компетенции судов по рассмотрению дел с иностранным элементом и применительно к косвенной судебной юрисдикции позволяет предотвратить признание компетенции иностранного суда в ситуации отсутствия тесной связи между форумом и рассматриваемым делом, хотя бы и вне противоречия нормам об исключительной юрисдикции.

Заслуживает внимания несомненное достоинство Конвенции о судебных решениях 2019 г., заключающееся в реализации принципа эстоппель в п. (е) и (f) ст. 5, согласно которому юрисдикция иностранного суда полагается обоснованной всегда, когда ответчик ее одобрил. Молчаливое согласие сторон с юрисдикцией суда и вступление в связи с этим в действие принципа эстоппель соответствует общепринятой мировой судебной практике [4, с. 33]. Данный принцип нашел отражение в законодательстве РФ и практике российских судов³. Требования к соблюдению принципа тесной связи в связи с этим полагаем подлежащими элиминации при согласии ответчика с юрисдикцией суда.

Заключение

Подводя итог изложенному, заключим, что совершенствование правового регулирования косвенной судебной юрисдикции в ЕАЭС возможно посредством заключения между государствами — членами ЕАЭС международного договора, устанавливающего унифицированные критерии прямой судебной

¹ Ч. 1 ст. 354 Гражданского процессуального кодекса Республики Армения [Электронный ресурс]. URL: parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=6196&lang=rus#52a (дата обращения: 02.11.2023); ст. 5 Приложения 4 к Гражданскому процессуальному кодексу Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900238 (дата обращения: 02.11.2023); ст. 467 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: online.zakon.kz/Document/?doc_id=34329053 (дата обращения: 02.11.2023), п. 30 Нормативного постановления Верховного суда Республики Казахстан от 11 июля 2003 г. № 5 «О судебном решении по гражданским делам» [Электронный ресурс]. URL: online.zakon.kz/Document/?doc_id=1043251&pos=4;-106 (дата обращения: 02.11.2023); ст. 432 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=33430670#pos=4158;-44 (дата обращения: 02.11.2023).

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающих из отношений, осложненных иностранным элементом» [Электронный ресурс] // Справ.-правовая система «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218824/ (дата обращения: 18.01.2024).

³ См., напр.: определение ВАС РФ от 28 октября 2011 г. по делу № А60-7981/2010-С2 [Электронный ресурс] // Правовая навигационная система Кодексы и Законы. URL: <https://www.zakonrf.info/sudoc/3a8b66bb6f93b3351b7d9a0bb5312a55/?ysclid=lrjak4scvd409239746> (дата обращения: 18.01.2024); постановление ФАС СЗО от 3 марта 2022 г. по делу № А21-9780/2021 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/tehNiMVQPvJ/?ysclid=lrjb0rt6lr736136402> (дата обращения: 18.01.2024).

юрисдикции и обуславливающего приемлемость юрисдикции иностранного суда соблюдением этих критериев, а в случае если компетенция иностранного суда не основана на данных критериях, — посредством соблюдения двух условий: первое — наличие тесной связи между судом и спором либо одобрение юрисдикции ответчиком; второе — ненарушение правил об исключительной судебной юрисдикции, установленных в национальном законодательстве государств — участников ЕАЭС.

Совершенствование правового регулирования косвенной судебной юрисдикции на национальном уровне как в РФ, так и в других государствах — участниках ЕАЭС возможно посредством введения в национальное законодательство положений о косвенной судебной юрисдикции, обуславливающих приемлемость компетенции иностранного суда соблюдением критерия тесной связи спора и суда, постановившего судебный акт, либо одобрением его юрисдикции ответчиком и непротиворечием критериям исключительной судебной юрисдикции.

Литература

1. Бахин С. В. Правовые проблемы договорной унификации // Московский журнал международного права. 2002. № 1. С. 129–143. DOI: 10.24833/0869-0049-2002-1-129-143. EDN: HSIVQQ
2. Елисеев Н. Г. Международная подсудность исков о правах на недвижимость // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов / под ред. Л. Ф. Лесницкой, М. А. Рожковой. М. : Статут, 2008. С. 91–119. EDN: QQORUL
3. Мороз В. П. Признание и исполнение иностранных судебных решений в Республике Беларусь в свете современных тенденций правового регулирования // Судовы веснік. 2014. № 4. С. 70–77 [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/119016/1/Мороз-статья%20о%20признании%20суд.pdf> (дата обращения: 20.02.2024).
4. Нешатаева Т. Н. Общие принципы права и практика Суда Евразийского экономического союза // Журнал Конституционного правосудия. 2022. № 4. С. 27–38. DOI: 10.18572/2072-4144-2022-4-27-38. EDN: GSSWVP
5. Павлова О. А. «Судейская конвенция»: вопросы юрисдикции // Международное право. 2023. № 1. С. 70–82. DOI: 10.25136/2644-5514.2023.1.39778. EDN: BJKXHY
6. Романова О. Н. Некоторые вопросы международного гражданского процесса Республики Беларусь // Вестник гражданского процесса. 2012. № 2. С. 186–223. EDN: OXIZXV
7. Терентьева Л. В. Содержание принципа тесной связи при установлении судебной юрисдикции по трансграничным частноправовым спорам // Вестник арбитражной практики. 2021. № 3 (94). С. 65–75. EDN: AGAACF
8. Akimbekova M., Akimbekova S., Moroz S. Recognition and Enforcement of Decisions of Foreign Courts and Arbitrations in The Republic of Kazakhstan: Current Status and Problems // Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues. 2021. Vol. 24. No. SpecialIssue-1. P. 1–7. EDN: WORTDK
9. Brand R. A. The Circulation of Judgments Under the Draft Hague Judgments Convention // University of Pittsburgh School of Law Legal Studies Research Paper Series. 2019. 35 p. [Электронный ресурс]. URL: https://scholarship.law.pitt.edu/fac_articles/453 (дата обращения: 20.02.2024).

Об авторе:

Шеповалова Олеся Александровна, аспирант кафедры международного права Санкт-Петербургского государственного университета (Saint Petersburg State University), Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: lesya.a.p@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-5857-0116

References

1. Bakhin S. V. Legal Problems of Contractual Unification // Moscow Journal of International Law [Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava]. 2002. No. 1. P. 129–143. (In Russ.). DOI: 10.24833/0869-0049-2002-1-129-143 EDN: HSIVQQ

2. Eliseev N. G. International Jurisdiction of Claims on Real Estate Rights // Problematic Issues of Civil and Arbitration Processes / eds. by L. F. Lesnitskaya, M. A. Rozhkova. Moscow : Statute, 2008. P. 91–119. (In Russ.) EDN: QQORUL
3. Moroz V. P. Recognition and Enforcement of Foreign Court Decisions in the Republic of Belarus in the Light of Modern Trends in Legal Regulation // Judicial Bulletin [Sudovy vesnik]. 2014. No. 4. P. 70–77 [Electronic resource]. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/119016/1/Мороз-статья%20о%20признании%20суд.pdf> (accessed: 20.02.2024). (In Russ.)
4. Neshataeva T. N. General Principles of Law and Practice of the Court of the Eurasian Economic Union // Journal of Constitutional Justice [Zhurnal Konstitutsionnogo pravosudiya]. 2022. No. 4. P. 27–38. (In Russ.) DOI: 10.18572/2072-4144-2022-4-27-38 EDN: GSSWVP
5. Pavlova O. A. “Judicial Convention”: Issues of Jurisdiction // International Law [Mezhdunarodnoe pravo]. 2023. No. 1. P. 70–82. (In Russ.) DOI: 10.25136/2644-5514.2023.1.39778 EDN: BJKXHY
6. Romanova O. N. Some Issues of International Civil Procedure of the Republic of Belarus // Herald of Civil Procedure [Vestnik grazhdanskogo protsesssa]. 2012. No. 2. P. 186–223. (In Russ.) EDN: OXIZXV
7. Terentyeva L. V. The Content of the Principle of Close Connection in Determining Court Jurisdiction on Crossborder Private Law Disputes // Bulletin of Arbitration Practice [Vestnik arbitrazhnoi praktiki]. 2021. No. 3 (94). P. 65–75. (In Russ.) EDN: AGAACF
8. Akimbekova M., Akimbekova S., Moroz S. Recognition and Enforcement of Decisions of Foreign Courts and Arbitrations in The Republic of Kazakhstan: Current Status and Problems // Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues. 2021. Vol. 24. No. SpecialIssue-1. P. 1–7. EDN: WORTDK
9. Brand R. A. The Circulation of Judgments Under the Draft Hague Judgments Convention // University of Pittsburgh School of Law Legal Studies Research Paper Series. 2019. 35 p. [Electronic resource]. URL: https://scholarship.law.pitt.edu/fac_articles/453 (accessed: 20.02.2024).

About the author:

Olesia A. Shepvalova, Postgraduate student, Department of International Law of St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: lesya.a.p@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-5857-0116